

УДК 99(С18)

Теоретические и правовые основы административно-территориального деления. Особенности организации территории

Л. М. Дамешек, И. А. Федореева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Иркутский государственный лингвистический университет, г. Иркутск

В статье на конкретных примерах рассматриваются теоретические и правовые основы территориального деления в императорской России. Особое внимание уделяется Сибири.

Ключевые слова: императорская Россия, территориальное деление, принципы.

Основой образования и функционирования органов государственной власти и управления является административно-территориальное деление как система организации территории государства. Оно предполагает наличие административно-территориальных единиц, образованных по определенным принципам. Эти принципы, в свою очередь, соответствуют интересам и задачам государства, вытекающим из конкретно-исторической обстановки. По мере совершенствования всего государственного устройства они закрепляются законодательно, а в процессе обобщения исторического опыта территориальной организации получают теоретическое обоснование.

Российское централизованное государство с момента образования неоднократно изменяло и совершенствовало форму государственного единства, пытаясь, в том числе, создать оптимальную модель административно-территориального устройства, процесс выработки которого шел постоянно, параллельно образованию и развитию самого государства. При этом определялся статус различных частей государства, в том числе и новых территорий, включаемых в его состав. Эти территории либо сохраняли особый статус, либо подвергались простой инкорпорации, т. е. включались в состав государства наравне с коренными русскими землями. Сибирь, а также некоторые другие территории (Литва, Белоруссия, Уфимская и Оренбургская губернии) были включены в состав России минуя период адаптации, предполагавший постепенную интеграцию в единую экономическую, политическую и правовую систему. Сибирь в XVII–XVIII вв. получает административно-территориальное устройство и аппарат управления, в принципе сходные с устройством Европейской России.

На протяжении XVII–XIX вв. территория России постоянно увеличивалась в основном за счет приобретений в азиатской части евразийского материка. Восточные районы во второй половине XIX в. прочно вошли в состав территории государства и завершили формирование устойчивой геополитической конфигурации страны.

Первоначально существовавшая как конгломерат разного рода земель, имеющих различный статус, наименование и размеры, Россия уже в начале XVIII в. приобретает черты унитарного государства, в основу территориальной организации которого положен исключительно административный принцип, не учитывающий национально-этнические факторы.

На фоне первого глобального изменения административно-территориального устройства России в начале XVIII в. (областная реформа 1708 г., проведенная Петром I) вся Сибирь включается в состав Сибирской губернии, управляемой из единого центра. Сибирская губерния еще не имела в тот момент четкого внутреннего административного деления, работа над его созданием только начиналась.

Практика управления столь обширной, величайшей из когда-либо существовавших, губернией из единого центра (Тобольска), а также усложнение решаемых в крае государственных задач довольно быстро указали на необходимость более дробного деления, в поисках наиболее удобного варианта которого Сибирь неоднократно «перекраивалась» на протяжении всего XVIII в.

В первой половине XIX в. между центром и окраинами преобладающими становятся отношения административной инкорпорации и унитаризма. В целом в развитии формы государственного единства на протяжении всего XIX в. проявлялись две взаимосвязанные тенденции: тенденция к усложнению, вызванная расширением территории государства, и тенденция к упрощению, обусловленная внутривосточным курсом на укрепление централизации, единообразия и в определенной степени русификации национальных окраин.

Однако Российское государство, окончательно конституированное как империя, вынуждено было отступать от принципа унификации, плохо применимого к организации собранных под единой властью территорий, отличавшихся значительным разнообразием местных условий. Следствием этого стал поиск гибких форм административно-территориального устройства и управления, создание особого законодательства для некоторых из них. Правительство постепенно осознало, что Сибирский край по пространству своему, по состоянию народов, его населяющих, требует, как в разделении его, так и в самом образе управления особенного строя.

В ходе Сибирской реформы 1822 г. было законодательно закреплено наметившееся еще в середине XVIII в. деление Сибири на Западную и Восточную. На основе этого деления создаются две крупные административно-территориальные единицы – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства.

В середине XIX в. с новой силой разгораются споры вокруг административно-территориального устройства края. В итоге деятельности правительства и местной администрации, а также в связи с присоединением Амурского края,

в составе Восточной Сибири создаются новые крупные административные единицы: Забайкальская, Приморская и Амурская области, однако принципиальная схема деления Сибири на два генерал-губернаторства остается без изменений.

Во второй половине XIX в. в управлении окраинами Российской империи все больше набирает силу тенденция к приближению к общероссийским порядкам, которая проявилась в конкретных мероприятиях 1882–1887 гг. В 1882 г. прекращает свое существование Западно-Сибирское генерал-губернаторство. Томская и Тобольская губерния становятся одинаковыми по положению с губерниями Европейской России с непосредственным подчинением Петербургу. Это обстоятельство послужило поводом для дальнейших проектов по преобразованию административной структуры Восточной Сибири.

В 1822–1884 гг. основным правовым актом, определявшим административно-территориальное деление Восточной Сибири, являлось «Учреждение управления Сибирских губерний и областей». По мере образования новых административных единиц в него вносились соответствующие поправки. Деление губерний и областей на округа никогда не рассматривалось в основной части документа, а содержалось в приложениях. Деление округов на специальные административные единицы – волости и инородческие управления – закреплялось соответствующей статьей «Учреждения...», однако в нем не описывалось. Это объясняется, с одной стороны, непрерывным их изменением, а с другой – малозначительностью этого уровня деления в масштабах огромной империи. Существование специальных административных единиц, в рамках которых осуществлялось управление казачьим населением, регламентировалось отдельными правовыми актами, которые не включались в состав «Учреждения...» либо включались в него частично.

Российское законодательство специально оговаривало механизм изменения административных границ округов и их состава. По «Общему учреждению для управления губерний» все предположения об устройстве округов и их составе должны были представляться министру государственных имуществ.

Практически все законодательные акты, так или иначе вносящие изменения в территориальную организацию Восточной Сибири, связаны с изменением в организации управления. Правительство, объявив о создании новых административных единиц, определение их границ предоставляло генерал-губернаторам. После соответствующей работы они должны были представлять описание границ и карты на высочайшее утверждение. В некоторых случаях генерал-губернаторам или даже Совету ГУВС предоставлялось право самостоятельно утверждать границы округов, доводя все произведенные изменения до сведения министра внутренних дел.

В законодательных актах для обоснования необходимости очередного административного передела использовалась, как правило, одна и та же формулировка: «для большего удобства в управлении», что свидетельствует о приоритетности этого обстоятельства при решении вопросов административного деления. В нормативных актах, посвященных изучаемому вопросу, не обнаружено каких-либо конкретных рекомендаций по формированию адми-

нистративных границ. Пожалуй, единственным исключением является именной указ об учреждении Колывановской области 1779 г., в котором предписывалось делить область на уезды, «наблюдая по пространству и состоянию того края» так, чтобы каждый из них «не более 15 или 16 000 душ в себе содержал». Все последующие акты подобных ограничений и предписаний не содержат.

В последней четверти XIX в. российская наука располагала рядом работ, посвященных исследованию и осмыслению вопросов теории и практики административно-территориального устройства Российской империи.

Развернутая характеристика административно-территориального устройства России, а также теоретическое его обоснование содержится в работах Н. М. Коркунова. Им обосновывается необходимость существования общего и специального административного деления: «Местные учреждения, организуемые во всех частях государственной территории и находящиеся в заведывании этих учреждений деления государственной территории, могут быть приурочены к какой-нибудь одной определенной отрасли управления, или иметь более общее значение. Сообразно с этим различают специальное и общее административное деление». Местности, подчиненные учреждениям, которые являются представителями «вообще правительственной власти» и своей деятельностью служат «объединению всего местного управления», получают значение общего административного деления. Существование и необходимость общего административного деления «объясняется тем, что все отдельные задачи управления приходится осуществлять совместно в одних и тех же частях государства и при этом местные особенности неизбежно влияют не только на практические условия осуществления каждой отдельной задачи, а также и на взаимное соотношение этих задач». Основанием общего административного деления может служить или исторически сложившееся расчленение страны, или просто соображения административного удобства». В первом случае административное деление является результатом постепенного исторического образования государственной территории. Для таких исторически сложившихся административных единиц характерна неравномерность занимаемого пространства и количества населения. Искусственное административное деление «делается более равномерным, дает приблизительно равные по пространству и количеству населения административные единицы, но образованные таким путем округа лишены внутреннего единства и однородности». Таким образом, Н. М. Коркунов рассматривал организацию территории государства в тесной связи с организацией управления и пытался выявить преимущества и недостатки способов формирования административных единиц.

А. Д. Градовский описывал следующие общие административно-территориальные единицы Российской империи: губерния (область), уезд, город, стан, волость. Он отмечал, что после реформ 60–70-х гг. XIX в. уезд перестал быть «отделом губернии во всех отношениях»: с одной стороны, уезд остался подчиненным отделом губернии (в отношении полицейского и казенного управления), а с другой стороны, стал самостоятельной единицей (это самостоятельный округ мировой юстиции, самостоятельная единица земских

установлений). Исследователь считал, что с точки зрения принципов формирования, «существующие теперь уезды... являются искусственно установленными административными делениями». Уезд делился на станы и волости. Станы являлись «общеполицейскими подразделениями», волости – делениями, приспособленными к условиям «крестьянских установлений» [7]. Город как административная единица мог иметь следующий статус: 1) градоначальство с особым управлением; 2) отдельный полицейский и мировой округ (подобно уезду); 3) просто входить в состав уезда. А. Д. Градовский, таким образом, в своей работе не пошел дальше описания административного деления Российской империи.

Вопросы территориальной организации Сибири волновали современников, поскольку были тесно связаны с вопросами организации управления, вокруг которых постоянно велись оживленные дискуссии. Представители областничества видели в современной им системе административно-территориального деления один из факторов дискриминации региона как составной части Российской империи, ставящий Сибирь в особое административное положение и тем самым приводивший к ее обособленности. Они выступали за изменение отношения центральной власти к Сибири. Г. Н. Потанин писал о том, что «расчленение» территории империи «должно установиться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в разных областях империи различны» [20].

В современной юридической науке существует понятие «государственно-территориальное устройство», которое «можно определить как организацию территории государства, систему взаимоотношений государства как целого с его составными частями». Статус отдельных частей как в унитарном, так и в федеративном государстве может отличаться от статуса других составных частей того же государства. Если это так, то государственно-территориальное устройство является сложным (асимметричным). В унитарных государствах, как правило, существует административное деление территории, а наряду с административно-территориальными единицами формируются специальные округа (судебные, военные и проч.). Административно-территориальное деление может иметь различные ступени, число которых зависит от численности населения и размеров территории.

Таким образом, по форме государственно-территориального устройства Российская империя была унитарным государством, разделенным на административно-территориальные единицы. Государственно-территориальное устройство России было асимметричным, поскольку составные части империи имели различный статус.

Географическое и административное положение территорий, расположенных за Уралом, наряду с некоторыми другими факторами послужило основанием для деления Российской империи на две части – Европейскую и Азиатскую (в состав которой входила и Восточная Сибирь). Территория Европейской России в основном делилась по схеме «губерния – уезд». В Сибири эта схема была сложнее и имела свою специфику. Здесь общими административными единицами были генерал-губернаторства, губернии, области, округа

(впоследствии – уезды). Само название административной единицы – «область» – подчеркивало ее отличие от губернии. В этой связи стоит отметить, что выделяемое Н. П. Ерошкиным в качестве отличия области от губернии нахождение на ее территории постоянных и иррегулярных войск (казаков) не совсем соответствует действительности. Казачьи соединения располагались по всей территории Восточной Сибири, хотя и сосредоточивались в основном вдоль государственной границы и на недавно присоединенных территориях. Более верным представляется утверждение А. М. Ремнева о том, что главным отличием области от губернии является сокращенный состав управления.

После нового административного передела Сибири в 1822 г. для обозначения единиц, входящих в состав сибирской губернии или области, длительное время применялся термин «округа» или «округ», в силу наличия специфических органов управления этими единицами. Однако после упразднения в 1867 г. окружных управлений округа сибирских губерний и областей по составу управления перестали отличаться от уездов внутренних губерний, но их переименование состоялось только на рубеже XIX–XX вв. в связи с введением института крестьянских начальников.

Округ являлся низшей общеадминистративной единицей. Административные единицы, составлявшие его, являлись уже специальными и различались между собой как по принципам формирования, так и по назначению.

Крестьянские волости, инородческие ведомства и казачьи станичные округа представляли собой специальные административные единицы, в рамках которых осуществлялось управление сельским населением Сибири в соответствии с сословным принципом.

Крестьянское население в административном отношении объединялось в волости, состоящие из сельских обществ.

Иногда, в силу удаленности от остальных населенных мест, некоторые сельские общества не включались в состав волости и управлялись отдельно. До отмены крепостного права в рамках волостей осуществлялось управление государственными крестьянами. После 1861 г. бывшие крепостные получают новое общественное устройство. Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, было распространено на Сибирь 27 апреля 1882 г. Его введение на территории Восточной Сибири происходило в течение 1884–1888 гг. Киренский округ Иркутской области был последним, в котором состоялось окончательное утверждение состава волостей и отдельных сельских обществ.

Земли, принадлежащие казачьему ведомству, сохраняли на протяжении всего изучаемого периода особое административное устройство. Население этих земель имело особое управление в рамках станичных казачьих округов, входивших в состав общих административных единиц уездов. Сохранение особого административного устройства, управления и суда объяснялось тем, что правительство было заинтересованно в сохранении боевых качеств казачества. Принципы, положенные в основу территориальной организации казаков, были связаны с выделением казачества в отдельное сословие. Упразднение особого статуса казачества станет возможным только после Октябрьской

революции 1917 г., когда земли и население казачьих областей получают административное устройство в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г.

Административные казачьи единицы в изучаемый период иногда назывались просто «станциями», иногда «станичными округами», при этом каждая из них, как правило, состояла из нескольких селений. Лишь часть населения станиц находилась на службе, остальные в основном занимались земледелием. Учреждением Управления сибирских разного рода казаков предусматривалось при «составлении» станиц преследовать две цели: 1) заселение и охранение пустых, или малообитаемых мест, 2) «исправление казенных надобностей без особенных на то издержек, и вследствие того постепенное уменьшение расходов на содержание городских казаков и уменьшение числа их в полковом составе». При этом казаки по станицам должны были разделяться сами, по 50–100 человек в каждой. В Иркутском и Енисейском полках устанавливалась иная норма – от 200 до 500 душ мужского пола.

Создание специальных административных единиц, в рамках которых осуществлялось управление инородческим населением, было обусловлено, прежде всего, значительной долей инородцев в составе населения Сибири и особенностями их бытового и хозяйственного уклада. Сибирь не представляла собой этнографического целого, коренное население распределялось неравномерно, при этом инородческое население количественно преобладало над остальным только в полосе полярных тундр. В изучаемый период на территории Сибири продолжал действовать Устав об управлении инородцев, введенный в действие в 1822 г. Одним из основных положений Устава было подразделение инородцев в соответствии с образом их жизни и уровнем развития хозяйственной деятельности на три группы – оседлые, кочевые и бродячие. Для управления кочевыми и бродячими инородцами создавались особые учреждения. При этом за основу административного устройства инородческого населения принимался не территориальный, а родовой принцип, поскольку кочевые и бродячие инородцы могли менять место проживания и не были четко привязаны к определенному селению. Каждое стойбище или улус, объединяющие не менее 15 семейств, имели родовое управление, несколько таких родовых управлений объединялись в инородную управу. Несколько инородных управ могли составить степную думу, в ведомстве которой находилась уже определенная территория. При этом члены родов могли быть рассеяны по территории всей степной думы, поэтому круг ведения инородной управы определялся не территориально, а личным составом подведомственного ей рода. Инородные управы, не входившие в состав степной думы, ведали определенной территорией. Родовое же управление осуществляло управление всем родом или его частью, при этом члены рода могли быть рассеяны по территории всей управы и думы. К концу XIX в. родовые связи утратили свою прочность и род все больше становился чисто административной единицей. Поэтому и возникло предложение изменить отжившие формы административного устройства инородцев, заменив родовой принцип их формирования территориальным. Инородческое население группировалось в следующие единицы: роды, наслеги, улусы. Род – самая мелкая единица, в рамках кото-

рой находилось несколько дворов (или всего один двор). Входящие в род дворы относились к одной земельной общине и одному податному обществу и занимали территориально один участок. Наслег и улус по численности населения, характеру земельных отношений и административному значению был сходен с волостью, однако улус, как правило, занимал большую площадь и объединял больше население, чем в среднем это было характерно для волости.

Инородческие волости как административные единицы, организованные по территориальному принципу, пришли на смену инородным управам, в основе формирования которых лежал родовой принцип, законодательно закрепленный для инородческого населения в ходе Сибирской реформы 1822 г. Существование таких крупных административно-территориальных единиц, как степные думы (например, Агинская степная дума в 1863 г. занимала площадь около 132–854 кв. десятин с населением около 25 тыс. человек) значительно затруднило, как показал опыт, вмешательство органов царской власти во внутренние дела инородцев. В 80-х гг. XIX в. степные думы западных бурят Иркутской губернии были заменены более мелкими и гибкими административными единицами – инородными управами (вместо 7 степных дум было образовано 23 инородные управы). Учет этнических, бытовых, географических особенностей был сведен к минимуму в конце XIX – начале XX в., когда в ходе административной реформы степные думы и инородные управы заменялись органами волостного управления по типу российских. Посредством замены административных единиц, образованных по родовому принципу, территориальными начиналась унификация системы управления различными территориями окраин Российской империи. В 1901 г. в связи с изменением устройства общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области были упразднены степные думы, инородные управы и родовые управления. Вместо них должны были быть образованы волости, состоящие из сельских обществ. При образовании волостей закон предписывал учитывать характер землепользования, численность населения и пространство (они должны быть удобны для управления). Однако, несмотря на стремление привести административное устройство аборигенов Восточной Сибири в соответствие с административным устройством крестьян, введение особых названий для волостей – «инородческие» и сельских обществ – «булучные» говорит о сохранении особенностей как в организации управления и самоуправления инородцев, так и в их хозяйственной деятельности, осуществлявшейся в рамках новых административных единиц. Упразднение специальных инородческих ведомств и замена их волостями свидетельствовало о намерении создать унифицированную систему территориальной организации сельского населения Восточной Сибири.

В полицейском отношении каждый округ делился на участки земских заседателей (здесь также наблюдается терминологическое несоответствие – во внутренних губерниях такие участки назывались станами, переименование в станы состоялось одновременно с переименованием округов в уезды). Границы этих участков могли не совпадать с границами волостей.

Кроме того, различные ведомства имели собственные специальные административные единицы, границы которых могли не совпадать с общим административно-территориальным делением. Крупные специальные административные единицы, границы которых могли не совпадать с границами губерний и областей, могли быть образованы различными ведомствами: министерство земледелия и государственных имуществ делило территорию страны на горные, министерство двора – на удельные, министерство народного просвещения – учебные, министерство финансов – таможенные округа и т. д. Образованное в 1862 г. акцизное управление Восточной Сибири имело на ее территории семь окружных управлений с соответствующим штатом и трех участковых надзирателей (табл.).

Таблица

Территориальные рамки окружных управлений
Акцизного управления Восточной Сибири

Окружные акцизные управления	Состав окружного акцизного округа	
	Губерния, область	Округ
Иркутское	Иркутская	Балаганский Верхотенский Иркутский
Нижнеудинское	Иркутская	Нижнеудинский
Минусинское	Енисейская	Минусинский
Красноярское	Енисейская	Енисейский
		Красноярский
Ачинское	Енисейская	Ачинский
Нерчинское	Забайкальская	Ачинский, Нерчинский
		Нерчинско-Заводской, Шиткинский
Верхнеудинское	Забайкальская	Баргузинский, Верхнеудинский Селенгинский, Троицкосавский

Лишь епархии Русской православной церкви размещались, как правило, в границах губерний и областей. Территория округов также делилась и на специальные административные единицы: сельско-врачебные, ветеринарные, благотворительные и другие участки.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Российской империи, несмотря на сложную структуру административно-территориального деления, не было выработано четких правовых и теоретических принципов организации территории государства. Схема административно-территориального деления Сибири была сложнее аналогичной схемы в Европейской России и отличалась от последней не только наличием дополнительных звеньев, но и применением особых названий для административных единиц, подчеркивавших их специфику.

1. Федерализм в истории России. В 3 кн. Кн. 1 / *Абдулатипов Р. Г.* [и др.]. М., 1992. С. 126.

2. *Алексеев В. В.* Индустриальное освоение Сибири: опыт послевоенных пятилеток, 1946–1960 гг. Новосибирск, 1989. С. 19.
3. *Богословский М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1819–27 гг. / изд. Императорского общества истории и древностей Российских при Моск. ун-те. М., 1902. С. 45–46.
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 744. Л. 25.
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 744. Л. 30.
6. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 7–7об.
7. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. В 3 т. Т. 2. Органы управления. СПб., 1876. С. 52.
8. *Дамешек Л. М.* Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1987. С. 106.
9. *Егунов Е. М.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963 С. 170.
10. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 187.
11. *Жерновков Г.* Сибирь и правительство. [Ново-Николаевск], 1907. № 2. С. 10. («Сибирская библиотека»).
12. *Разумнов Н. И.* Забайкалье : свод материалов, высочайше учрежденный под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для использования земледелия и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1899. С. 29–34.
13. История отечественного государства и права : учебник : в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. М., 1996. Ч. 1. С. 219.
14. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 3. М., 1969. С. 71.
15. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М., 1995. С. 154.
16. *Ичев А.* Сибирское казачество // Междунар. жизнь. 1993. – № 4. С. 100.
17. *Козлов А. Е.* Конституционное право : учебник. М., 1996. С. 195.
18. *Коркунов Н. М.* Указ. соч. С. 229.
19. Общее учреждение для управления губерний. Ст. 3040, 3042, 3043 // СЗ РИ. 1876. № 2.
20. *Потанин Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907 С. 57.
21. ПСЗ- I. № 2218. 1708. 18 дек.
22. ПСЗ- I. № 14868. 1779. 1 мая.
23. ПСЗ- I. № 19910. 1801. 9 июня.
24. ПСЗ- I. № 29125. 1822. 22 июня.
25. ПСЗ- II. № 24796. 1851. 4 янв.
26. ПСЗ – II. № 25394. 1851. 11 июля; № 31080. 1856. 31 окт.; № 33862. 1858. 8 дек.
27. ПСЗ – II. № 31222. 1856. 6 дек.
28. ПСЗ- II. № 50912. 1872. 31 мая.
29. ПСЗ – III. № 15503. 1898. 2 июня.
30. ПСЗ – III. № 19984. 1901. 23 апр.
31. ПСЗ – III. № 21505. 1902. 27 мая.
32. ПСЗ – III. № 23320. 1903. 31 июля.
33. *Ремнев А. В.* Административная политика второй половины XIX – начала XX веков : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1997. С. 18–52, 70–94.
34. Россия в конце XIX века / под общ. ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 87.

35. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Брянск, 1996. С. 171.
37. Соколов М. П. Якутская губерния по переписи 1917 г. Вып. 1. Иркутск, 1922. С. VII.
38. Учреждение Сибирское // СЗРИ. 1857. Т. 2, ч. 2. Ст. 1305.
39. Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 2. М., 1912. С. 6–7.

Theoretical and Legal Foundations of Territorial Division. Special Features of Administrative Arrangement

L. M. Dameshek, I. A. Phedoreeva

Irkutsk State University, Irkutsk

Irkutsk State Linguistic University, Irkutsk

The article considers certain examples of theoretical and legal foundations of territorial division in the Imperial Russia. Special consideration is given to the processes of administrative arrangement in Siberia.

Key words: the Imperial Russia, territorial division, principles.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Lev Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Федореева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного лингвистического университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Phedoreeva Irina Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Irkutsk State Linguistic University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru